

АНАЛИТИКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-257-274

УДК 745.9. 05:061.7

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ДУХ СТАРОГО ТИФЛИСА: СВАТОВСТВО, ДЕНЬГИ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ¹

Симян Тигран Сержикович,

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры зарубежной литературы
факультета европейских языков и коммуникации
Ереванского государственного университета,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1
ORCID: 0000-0001-9534-3505
tsimyan@ysu.am*

Казарян Григор Артемович,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры романской филологии
факультета европейских языков и коммуникации
Ереванского государственного университета,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1
ORCID: 0000-0002-1693-4882
g.ghazaryan@ysu.am*

Аннотация

В статье анализируются проблемы межличностных отношений, таких как сватовство, отношения между мужчиной и женщиной, т. е. описываются проявления биологических «аксиом» человеческого поведения. Проявлением биологического можно считать и доминирование в межличностных отношениях. Объектом исследования стало отображение сватовства, игры на деньги, развлечения, пиршества. Эмпирическим материалом стали художественные тексты армянской литературы XIX–XX вв. (М. Налбандян, С. Шахазис, Г. Сундукян, А. Айвазян др.). Статья является частью «Тифлисского текста армянской литературы», добавляя нечто новое и к «Тифлисскому тексту грузинской литературы». В свою очередь, эти два дискурса имеют общность с «Кавказским текстом русской литературы». Для описания используется семиотический метаязык, имплицитно используется теория французского социолога П. Бурдьё, а также типологический подход,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Тифлис в армянской и грузинской историко-литературной традиции: феноменология города, история повседневности (XVIII – первая четверть XX в.)» при поддержке Министерства образования и науки РА, Комитет по науке на 2018–2020 гг. (проект 18Г-6А2220).

поскольку анализ проводится на повторяющихся мотивах с выявлением общих семантических единиц.

Главный тезис данной статьи – «высокая» армянская литература Старого Тифлиса (XIX в.) является одним из центральных дискурсов для критической презентации биологического в среднем и низшем классе Старого Тифлиса. Биологическое и принципы «дикого капитализма» разрушали семьи средних и мелких торговцев не только на горизонтальном классовом (семейном, межличностном) уровне, но и на вертикальном (неравенство социальных ролей).

Анализ эмпирического материала показал, что жажда денег пожирает духовные и социальные ценности, национальную идентичность. В центре интересов жителей города праздный быт: еда, пир, строительство домов, развлечения (домашние карнавалы), сватовство и т. д. В статье биологическому противопоставляется культурное. Армянское общество Старого Тифлиса имело стратегически мыслящих культурных деятелей из армянских княжеских семей, меценатов, филантропов (Бебутовы, Тумановы, Аргунтинские, Алихановы, Евангуляны, Манташевы, Тамамшевы), которые вложили огромные финансовые средства в мультипликацию национальных ценностей (Нерсисяновская семинария Тифлиса). Отмечено также инвестирование крупнейшими армянскими филантропами Манташевыми в учебу армянских одаренных умов за рубежом (в Германии, России и т. д.), что уже 1920-х гг. стало интеллектуальным базисом для основания национального университета в Ереване.

Ключевые слова: Старый Тифлис, биологизм, деньги, традиционная женщина, нетрадиционная женщина, мещанство, проституция, карнавальное сознание, природа vs культура.

Библиографическое описание для цитирования:

Симян Т.С., Казарян Г.А. Биологический дух Старого Тифлиса: сватовство, деньги, межличностные отношения // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 2. – С. 257–274. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-257-274.

Старый Тифлис был многонациональным, мультикультурным, музыкальным, карнавальным городом. Грузины составляли всего лишь десятую часть населения Тбилиси [7, с. 72]. В конце XIX в. 42 % населения Тифлиса составляли армяне [17, с. 103]; помимо них там жили также татары, горцы (осетины, чеченцы), евреи.

Старый Тифлис в реальности сегодня уже не существует, поскольку, как метко заметил искусствовед Генрих Игитян, «старый Тбилиси – понятие этнографическое» [9, с. 6]. После советизации Грузии эпоха Старого Тифлиса закончилась и начался новый, «грузинский» Тбилиси. К образу Старого Тифлиса не раз обращались в армяноязычной и русскоязычной научной литературе [4; 5; 10, с. 59–67; 19, с. 63–80], но микроисторических исследований, посвященных анализу быта тифлисских армян второй половины XIX в., не так уже много.

В настоящей статье объектом исследования стал анализ биологического², т. е. сватовство, игра на деньги, еда, алкоголь и развлечения, продолжение рода, что не раз отображалось в армянской литературе 1860–1880-х гг. Старый Тифлис XIX в. с его «диким капитализмом» являет собой гипертрофированное проявление всего биологического в среднем классе Старого города³.

Как отмечала В. Желиховская, «армяне, живущие в Грузии, бесспорно гораздо деятельнее и предприимчивее ее природных жителей; не только вся торговля края, но и все хозяйственные промыслы – хлебопашество, скотоводство, шелководство, огородничество, садоводство и почти все ремесла» были сконцентрированы в руках армян [7, с. 66], хотя «они плохо умеют обращаться с большими капиталами и редко берутся за крупные обороты. <...> Они несравненно способны на различные сделки, на выдумки, подчас очень хитросплетенные, для скорейшей наживы» [Там же].

Микроисторическое исследование именно этого социального класса представлено в предлагаемой статье. Эмпирическим материалом стали литературные и театральные тексты армянской литературы XIX–XX вв. (М. Налбандян, С. Шахазис, Г. Сундукян, А. Айвазян и др.). «Высокая» армянская литература Старого Тифлиса стала одним из центральных дискурсов для критической презентации биологического в быту мелких торговцев, в основном на уровне театральных представлений⁴, поскольку рассматривала его как антипод высокой культуры.

Состояние души среднего класса Старого Тифлиса можно проиллюстрировать на примере стихотворения армянского поэта, публициста Микаэла Налбандяна (1829–1866) «Родина армянина» (1858): «Армянин, скажи, где твой дом // Армянин, где твой центр // Есть ли у тебя что-то собственное // Покажи мне твою гордость? // Какая Родина, глухой // Скрываешь ты у меня // Где родился? Так это я тебя спрашиваю? // Сюда пришел я из Тифлиса» [11, с. 31].

² Под биологическим понимается поведение человека, связанное с доминированием, удовольствием, едой и передачей генома в следующее поколение (С. Савельев). Например, женитьба или замужество является проявлением биологического закона.

³ Затронутые проблемы можно увидеть и в пьесе А. Цагарели «Ханума», но подобная типологическая интерпретация будет представлена как отдельная статья. Именно поэтому в данной работе не затрагивается эта линия.

⁴ Заметим, что Сундукяном был выбран самый европейский канал коммуникации и критики социальных устоев, поскольку театр как социальный и культурный институт в XIX в. был самым европейским средством коммуникации. В еженедельнике «Кавказ» отмечалось, что стройка здания армянского театра была «знаком любви азиатов к европейской цивилизации», а сам Тифлис воспринимался как «Азия среди Европы, и Европа – среди Азии» (նր Ասիայի մէջը Եւրոպայի մէջը) (цит. по [8, с. 61]).

«Вещный» мир: деньги, игра

Эта же тема затрагивается и в рассказе А. Айвазяна «Путеводитель по Тифлису. 1912 год». Господин Мнацаканов, построивший за 25 000 рублей мост и подаривший его городу, является почетным гражданином Тифлиса, поскольку он построил в Тифлисе «самый значительный мост» – Мнацакановский, который наряду с Михайловским, Верийским, Мухранским, Авлабарским, Метехским связывал одну часть города с другой. Говорили, что он «деньги считал в единицах моста. Сегодня на бирже я выиграл два моста. Дочь он упрекал так: «На твои платья и шляпки я поистратил шесть мостов» [1, с. 35]. Сущность Мнацаканова раскрывается в контрастном противопоставлении. У него была мечта подарить мосты еще и Санкт-Петербургу, Парижу, Лондону, что и становится признаком его тщеславия. Но вот помощь нищим не входила в число его ценностей. Именно поэтому нарратор рассказа упоминает Хечо Чопурова, который жил под Мнацакановским мостом. И для полного счастья, как метко замечает нарратор, богатым не хватало несчастного человека, чтобы они сравнили его с самим собой. Именно поэтому писатель «подарил» богатым Хечо: «Всю жизнь он мерз и терпел неудобства. Хечо вручает себя вам. Берите – и вы почувствуете вашу постель еще более удобной и вашу жизнь еще более обеспеченной...» [Там же, с. 36].

Интересно, что Мнацаканов и лирический герой стихотворения Налбандяна не имеют национальности, они транснациональны. Более подробно рассмотрим пример Налбандяна.

У лирического героя стихотворения нет духовных ценностей, национальной идентичности, Родины, духовного центра. Его центр – живот [11, с. 32] и материальные блага: «Есть у меня дом, каменный // Двухэтажное роскошное здание // с бесчисленной прислугой // Сотнями моих гостей» [Там же, с. 32]. Интересно, что в пьесе Сундукяна (1825–1912) «Переполюх» (1866) главный герой, «напившийся воды из Терека»⁵ Геворк Масисянц, не узнает один из районов Старого Тифлиса, поскольку не видно лачуг: «Как изменился город! Тут когда-то лачуги стояли, а теперь трехэтажные дома выстроены. <...> внешний вид нашего города сильно изменился. Он стал похож на культурные города. Но важно, чтобы народ просветился, а до этого, я вижу, нам еще очень далеко, взгляды не меняются» [20, с. 26, 49].

Двухэтажный или трехэтажный каменный дом для богатого тифлисца в XIX в. является очень важным признаком достатка. Он мог себе позволить содержать прислугу, что было необходимо для организации застолий, домашних карнавалов. Кроме того, перед глазами образованного Геворка раскрывается непросвещенность народа. В последующих четверостишиях

⁵ Так называли молодых людей Старого Тифлиса, покинувших границу Грузии, Терек, чтобы получить образование в России.

говорится о родственном и социальном капитале лирического героя: «Есть братья у меня и сыновья // Дочери и прочая родня, // Особые знакомые, очень высокопоставленные // Есть и зять, который князь» [11, с. 32]. То, что зять – князь, говорит о браке по расчету, поскольку родственная связь с грузинским князем предоставляет богатому армянину больше предпочтений для финансовой деятельности и приобретения символического капитала («два ордена почета») [Там же, с. 32].

Как видно, лирический герой становится классическим примером презентации бездуховности в обществе. Конечно, центральным является также пиршество. На вопрос о духовной гордости лирического нарратора герой отвечает: «Моя гордость? – глупый // Покажи мне сначала твою. // Такой обед и благородный ужин // Не ел даже Лукулл» [Там же, с. 32]. Гиперболическое представление его пиров говорит о финансовом достатке: «Пью я шампанское, мадеру // Ты – наполняешь живот водой» [Там же, с. 32]. Упоминание мадеры, шампанского говорит о европеизированности Старого Тифлиса, что касается спиртных напитков. В Пьесе «Пепо» даже указывается, что шампанское и ликеры покупались у французов [20, с. 217].

Но следует заметить, что в Тифлисе XIX в. были богатые княжеские армянские семьи: Бебутовы, Тумановы, Аргунтинские, на пожертвования которых Нерсес Аштаракеци (1771–1857) в 1824 г. построил Нерсесяновскую семинарию. Кроме княжеских семей, были и знаменитые меценаты и филантропы, такие как Алихановы, Евангуляны, Манташевы, Тамампашевы, которые финансировали одаренных молодых людей, впоследствии ставших видными деятелями армянской культуры, литературы, науки. Это композитор Комитас (1869–1935), писатель Сиаманто (1878–1915), знаменитый историк-арменовед Николай Адонц (1871–1942), политические и государственные деятели: Александр Хатисян (1874–1945), историк, академик Акоп Манандян (1873–1952), католикос Геворк Чорекчян (1868–1954) и другие [18, с. 150]⁶. Приведенные факты говорят о стратегическом и культурном (антибиологическом) мышлении богатых армянских семей.

Презентацию карнавальности, театральности, аморальных устоев социального «верха» можно увидеть и в рассказе армянского писателя Габриела Сундукяна «Варенькин вечер» (1877). Новая жена богатого армянина Алеко, Варенька, организовала в богатом районе Сололаки⁷ в своем роскошном собственном доме вечер игры в лото. Удостоила чести и бедную жену племянника мужа – Макако, пригласив ее в роскошный дом.

Над окнами дома Вареньки «было двести драконьих голов. Все они раскрыли свои пасти, точно собирались проглотить каждого, кто дерзнет

⁶ См. об этом подробнее в [16, с. 149–161].

⁷ Этот район до сих пор остается одним из богатых и колоритных районов современного Тбилиси.

пройти мимо» [20, с. 334]. Интерьер ее дома был богато отделан, что в восприятии Макако, жены бедного мастерового, было «как рай»: «золотые украшения на стенах, большие зеркала, тюлевые занавеси, шелковые покрывала, дорогая мебель, бронзовые перила, узорчатые крашенные полы, в которых видно отражение человека» [Там же, с. 336].

В этом богатом доме собрался социальный «верх» Тифлиса. Интересно, что гости Вареньки, как отмечено нарратором рассказа, в основном не грузины: «Не сосчитать, сколько было на этом вечере Наташ и Анечек, Дарьинок и Калинок, Машенок и Сашенок, Ниночек, Сонечек и прочих -иночек и -миночек. Одних Сонечек было семнадцать: высокая, низенькая, полненькая, худенькая, толстенная, кругленькая, долговязая, грубая, хрупкая, нежненькая, миленькая, нежная, как мороженое, умная, глупая, ротозейка, ветреная, легкомысленная. Счет был потерян Калинкам и Машенькам. Мыслимо ли всех запомнить! Не было ни одной армянки – жены известного в городе человека, которая не присутствовала бы на Варенькином вечере» [Там же, с. 339]. Из пассажа видно ироническое отношение к гостям (прочие -иночки и -миночки), а по общности и количеству имен можно понять, что собравшиеся мыслят стереотипно, называя своих отпрысков по моде.

Богатый «бомонд» Вареньки презентовал себя и смотрел на других, судачил об отсутствующих и присутствующих общих знакомых, не участвовавших в разговорах: «Дамы и девицы из одной группы обсуждали дам и девиц из других групп» [Там же, с. 341]. Данный пассаж указывает на бездуховность собравшихся. Описанная в рассказе группа по своему типу близка к культурно-развлекательной компании (по терминологии Михаила Литвака). Коммуникация между ее участницами основана на ситуативности. Главным действующим «актером» является маска: «Встречаясь, жали друг другу руки, заверяли в дружбе, обменивались любезностями, а разойдясь, готовы были облить друг друга грязью» [Там же, с. 341].

И в эту группу попадает бедная Макако, проигравшая в лото, сверх имевшихся денег, целых двадцать два рубля. Макако опозорилась перед обществом, живущим биологическими законами, поскольку раскрылась ее тайна. Прежде чем прийти к Вареньке домой, она заложила серебряную чашку и получила от Тетела Кундурян десять рублей. По «сарафанному радио» информация об этом дошла до гостей Вареньки, и Макако стала посмешищем. Казавшийся раем дом Вареньки превратился для Макако в ад⁸,

⁸ Муж Макако узнал о проигрыше жены: «Он не попросил пощады. Вынул из кармана заработанные честным трудом девять измятых потертых рублевок и бросил им в лицо, потом взял за руку Макако и повел бедняжку к выходу. Две слезинки скатились по ее лицу, когда она спускалась по шестидесяти двум ступенькам мраморной лестницы, взбираясь по которой она думала, что попадет в рай» [20, с. 353].

а украшавшие его драконы стали метафорой собравшихся гостей, готовых съесть Макако, полезную играть в чужие игры⁹.

На примере произведений Сундукяна можно показать и подготовку к карнавалу (в широком смысле слова). Подобные детали раскрываются в пьесах «Пепо», «Разоренный очаг», где показан интерьер богатых купцов в контрасте с бытом социальных низов.

В пьесе Сундукяна «Пепо» (1871) жена купца Эпимия говорит приказчику лавки мужа, чтобы тот принес клубнику «размером с грецкой орех» [Там же, с. 218]¹⁰, ведь она такую «вчера собственными глазами видела, и сама ела в доме Дамдумановых» [Там же, с. 218]. В Старом Тифлисе среди богатых купцов и их мещанских жен была гонка за модными вещами и показуха: кто лучше примет гостей и удивит их. Чтобы не прослыть скупыми и не стать жертвой «сарафанного радио», они демонстрировали свое финансовое могущество. Смена интерьера (покупка новых зеркал) [Там же, с. 227, 232]¹¹, угощение, сервировка организовывались не для души и внутренней гармонии, а для «моделирования» зависти у гостей и презентации своего статуса. Так, Эпимия говорит слуге Самсону: «Пусть видят и лопнут (гости. – Т. С.) от зависти ко мне. <...> Следи, чтоб блюда сперва ко мне подносили» [Там же, с. 219]. То же состояние души видно и у Веры, жены мелкого торговца Ваню в рассказе армянского прозаика А. Айвазяна «Ваню и городской»: она требует у мужа наряды, «чтобы видела вся округа, чтоб дивились соседи...» [1, с. 44].

Знак доминирования отображен в том, что блюда должны преподноситься сначала хозяйке, а потом всем остальным. Внутренний мир мещанки Эпимии, жены богатого Арютина, раскрывает их слуга Самсон: «Много я видел хозяек, много слышал всяких приказаний, но такой хозяйки еще не видал! А спросить бы: кто она, чья дочь? Ведь, говорят, в отцовском доме без рубашки ходила. Надеть было нечего. А теперь чуть не лопаются от спеси» [20, с. 222]. Как видно из цитаты, социальный «низ» в пьесах Сундукяна берет на себя функцию оглашения истины, раскрытия маски. Слова слуги Самсона раскрывают социальное рабство Эпимии и социальную инверсию мещанки. Благодаря замужеству Эпимия поднялась по социальной лестнице и стала показательно доминировать над гостями, как альфа-самка, которой в первую очередь преподносится еда, а после всем остальным «бета»-особям.

⁹ В этом плане интересен фильм «Чужие игры» (1986), снятый на киностудии Арменфильм, раскрывающий коррупционные реалии конца советской эпохи [19].

¹⁰ В XIX в. еще не было крупных сортов клубники размером с абрикос.

¹¹ Эта тема затрагивается и в пьесе «Разоренный очаг». Купец Осеп жалуется тете, что его жена Саломе болеет «вещизмом»: «Стоит ей увидеть новую вещь на ком-нибудь или где-нибудь в доме, тотчас же – купи да купи. Не успокоится, пока не купишь. Обезьянья порода. Разве можно так!» [20, с. 269].

Сундукян раскрывает внутренний мир богатых купцов Старого Тифлиса, которые готовы были зарабатывать деньги любыми средствами, в том числе не возвращая долги. Купец Арютин «не помнит» о своем долге (100 туманов) бедному рыбаку Пепо, пока не показывают ему вексель. Не получив от купца вовремя обещанных 100 туманов для уплаты приданого жениху своей сестры, обесчещенный рыбак не готов помириться с купцом. Он готов отсидеть в тюрьме, чтобы выйти и «опозорить купца Арютина на весь мир», «отрубить голову», «огласить на весь мир его проделки», «крикнуть, что человек, которому все кланяются, которого все чтут и славят, – это человек, у которого нет ничего святого!.. Плач бедняка, видно, для того и создан богом, чтобы слезами смывать темные дела богачей» [20, с. 254].

«Закон джунглей» среди купечества Старого Тифлиса функционирует не только в плане социальной вертикали, но и по социальной горизонтали. В пьесе Сундукяна «Разоренный» очаг богатый купец Парсиг Леброян, узнавший от своего коллеги, что Осеп, другой купец, хочет «украсть» жениха его дочери Нино, сразу же требует от него вернуть долг. У Осепы нет свободных денег, поскольку всё в обороте¹². Он теряет всё свое имущество, поскольку Парсиг Леброян хочет обанкротить его. Судебный пристав описывает вещи в доме Осепы. Жених Александр Мармаров отказывается жениться на Нато, дочке Осепы, поскольку ему не выплачивают обещанных денег. Вся эта драма разворачивается на фоне карнавального приема в доме Осепы, куда собрались гости поздравлять семью Осепы с будущей свадьбой дочери Нато.

Дом Осепы богато обставлен: европейская отделка, «кухонные плиты из Лондона» [Там же, с. 270], пол покрыт коврами, позолоченные люстры и канделябры, накрытые столы, «в красивых вазах разные сладости, печенье, фрукты, цветы в вазах, бутылки с напитками. В глубине – пианино с круглым стулом у окна, через который виден освещенный сад» [Там же, с. 301]. Почти такой же стол описывается и в рассказе «Варенькин вечер» («А какие варенья и фрукты, конфеты и напитки! Могла ли Варенька допустить, чтобы лучшие яства города не были в этот вечер на ее столе») [Там же, с. 345].

Из описанных интерьеров и угощений видно, что купечество Тифлиса пыталось жить по-парижски. «Французские» манеры поведения саркастически представлены в обращении Нато, дочери Осепы, к ждущему приданого жениху Александру: «Мы таких вечеров устраивать не будем, мон шер Сапша... Се моветон. У нас будут танцевальные вечера: журфиксы в две недели раз, по четвергам или вторникам. <...> А по четвергам

¹² Отсутствие свободного капитала – явный знак неразумного ведения бизнеса. Из-за алчности весь капитал пускался в оборот, резерва не оставалось.

будем ходить танцовать в артистический кружок. <...> Какие там длинные залы, мон шер Саша, будуары, гостиные, сколько нарядных барышень, музыка – роскошь какая (Обнимает). Будем танцовать, а устанем, уйдем в зеркальную гостиную, посидим там, отдохнем, поговорим, посмеемся... <...> Одеваться я буду шикарно, по последней моде, чтобы все говорили: “Смотрите, смотрите, какая жена у мосье Мармарова”. Да, милый Саша, у нас будет свой абонемент в театре, мы будем туда ходить по пятницам» [Там же, с. 345].

Бездуховность и мещанство среднего класса, раболепное отношение к западным ценностям, отсутствие культурных ценностей становится предпосылкой национальных бед. По мнению лирического нарратора стихотворения Налбандяна, именно живущие по биологическим законам армяне стали причиной испытаний целого народа. На укор лирический герой отвечает: «Несчастный, ты думаешь, // что, любя родину // Что-то построишь?» [11, с. 33]. Поскольку автор стихотворения был армянским просветителем, то в голосе лирического нарратора слышен голос Просвещения, противопоставленный тифлисскому богатому армянину, живущему материальными и биологическими законами: «Твое образование не насытит // Меня и мне подобных; // Нам необходимо богатство, чтобы удовлетворить наше тело» [Там же]. Как видно, само стихотворение построено на оппозициях культуры и антикультуры, тела и души, материального и духовного богатства, родины и двухэтажного дома, духовного центра и живота, просвещения и невежества.

Бездуховность, отсутствие национального, армянского, резко критикуется и в поэме Смбата Шахазиса (1841–1908) «Скорбь Левона» (1865). Хотя армянские «черноокие» девушки Тифлиса в глазах лирического героя, приехавшего «с Севера», из России, красивы, он не замечает в них армянского духа, воспитания, знания армянского языка: «Чужеземный диалект, иностранный язык // Армянские девушки меня не привлекают // Зачем нет в вас армянского воспитания, // Зачем Слово армянское вас не украшает?» [22, с. 271]. Действительно, в Старом Тифлисе, как отмечает В. Желиховская, на армянском говорил только социальный низ, а средняя и высшая прослойка вообще не знала армянского, «особенно женщины» [7, с. 63]. Обратим внимание, что лирический герой Левон, путешествующий по Кавказу, ищет «чистую» невесту армянку, что не сочетается с духом многонационального Старого Тифлиса, в котором были распространены смешанные браки.

Так, у бездуховного богатого армянина из стихотворения М. Налбандяна зять – грузин. Многонациональность Старого Тифлиса отмечает С. Шахазис: «город, где живут армяне, турки, осетины, черкесы», «хитрые евреи», «самодовольные, кичливые русские», «легкомысленные, фриволь-

ные, бедные, без одежды, грузины»¹³ [22, с. 268]. Именно поэтому лирический герой видит тифлисских армянок в роли жен не для армян, а для грузин, русских, турок [Там же]. Впрочем, в Старом Тифлисе, несмотря на сравнительно «либеральные» нравы, армянка не могла выйти замуж за мусульманина, поскольку религиозная принадлежность в XIX в. играла важную роль.

Левон с его романтическими и ностальгическими настроениями не видит национальных ценностей в армянских девушках Старого Тифлиса. Вот их «сестры прошлого» любили нацию, они «омыли родные раны // Невинной кровью и канули в бессмертие», они готовы были умереть со словами на устах «нация и Родина» [Там же, с. 273]. Идеализированное прошлое в сознании Левона противопоставляется карнавализированному Старому Тифлису. В нем он видит «распутную жизнь, что было любо древней Азии» [Там же, с. 277], поскольку «девушка не образована ни духом национальным, ни духом иноземца» и стала «игрушкой мужчины» [Там же, с. 278]. Нравы Старого Тифлиса, а на метаязыке – карнавальное пространство города, биологизм и либеральные нравы способствовали появлению и нетрадиционных женщин, которые не проходили, как отмечает лирический герой поэмы Шахазиса, «классический» переход от девушки к роли матери.

Нетрадиционные девушки (с низкой социальной ответственностью) Старого Тифлиса

Тифлис XIX в. был разным. В более поздних текстах уже просачиваются «темные» места Старого Тифлиса. А. Айвазян в рассказе «Святая истина» описывает городской ландшафт: «Авлабар и Шейтан-базар объединяла расположенная на скале Метехская тюрьма... а чуть подальше, если пройти немножко по берегу Куры, начинался Ортачальский “рай” – места для пирушек, девицы... словом, хочешь – в церковь иди, хочешь – на базар, хочешь – в баню, хочешь – в тюрьму» [1, с. 51]. Главный герой выбирает сначала поход в церковь, а потом в «места для пирушек». Нарратор с юмором указывает возможные топографические сегменты, из которых выбирается сюрреалистически несовместимое: церковь и Ортачальский «рай». Через духовный «верх» (церковь) он идет в «низ» (сад наслаждений).

Главный герой рассказа Чипро «рассказал священнику, что у него дома умирает единственный сын, что его сын – это сын вселенной, что если он его потеряет, то уже никогда и никого не сможет любить... что сына он любит не только потому, что это сын, а просто – это та бусинка в чело-

¹³ Действительно, грузины в глазах очевидцев часто предстают как ленивые бездельники: «Грузин в большинстве честен, храбр и беспечно добр, это простодушный, гостеприимный и веселый народ. Одна их беда, что они не предприимчивы и ленивы. <...> Грузины вообще нечистоплотны: белье носят, пока оно не распадется в клочья, а их верхнее платье, архалуки да чохи, всегда лоснятся» [6, с. 44, 56]. Конечно, эпоха поменялась и всё остальное тоже.

веческом ожерелье, которая если оборвется, то все ожерелье рассыплется. Сын умирает, потому что мир суров, а бог одинок... Сукин сын Чипро и сам так верил в истинность своих слов, что ему не надо было искать и придумывать какие-то слова...» [Там же, с. 55]. Чипро искусно обманул священника, отказавшись от предложенной трапезы, и, украв из кельи пять золотых рублей, устремился к ортачальским садам спасать своего единственного «сына» («младшего друга»). Ключом в рассказе Айвазяна является манифестация биологической аксиомы: человек с либидо реализует себя через обман и кражу. Именно эта идея иронически закодирована в заглавии рассказа «Святая истина».

У «нетрадиционных» девушек Ортачала выходным днем был понедельник. В рассказе Айвазяна с легким юмором описывается их выход в город. На Головинский проспект выходили погулять девушки «горькая и сладкая, острая и соленая, душная и ласковая засада, истома бархата и нега белой простыни... Параджанов выписал девочек из Парижа» [Там же, с. 52]. Само упоминание Параджанова является аллюзией на визуальный праздник, на красочное представление, а выбранные вкусовые, тактильные и соматические оппозиции (горькая vs сладкая, острая vs соленая, душная vs ласковая засада, истома бархата vs нега белой простыни) указывают на «силу» девушек, перед которыми очень многие жители Тифлиса не могли устоять. «Это шествие многим перевернуло жизнь. Воспитанник Нерсесянской школы Сукиас, например, – его кровь словно изменила направление, Сукиас бросил Хоренаци и Нарека, и пошел, и пошел... Шивший черкески вагаршапатский Мехак обанкротился в пух и прах, и бог знает что еще произошло тогда в несчастном Тифлисе...» [Там же, с. 53].

Благодаря асимметричным оппозициям (ортачальские девушки vs воспитанник Тифлисской Нерсесяновской духовной семинарии), упоминанию средневековых авторов и произведений (Мовсес Хоренаци, V в., Григор Нарекаци, X в.) автор поэмы «Песнь скорби» (Нарек) придает своей наррации юмористический оттенок. Следует заметить, что пировали, кутили, забавлялись не только холостяки, но и женатые: «Пировали в садах Ортачалы: Асатуров из “Булочная. Асатуров и сыновья”, банный король Гогиллов, Мильян из “Мыловаренный завод Милова”, “Кузиков и К^о”, Мцхетский Моурави, Тамамшевский караван-сарай, заведение Мелик-Казарова...» [Там же, с. 53].

Следует заметить, что ортачальские красавицы были отображены не только в литературе, но и в живописи Старого Тифлиса. Великий примитивист Пиросмани рисовал девушек из «веселых домов» [8, с. 8]. В этой тематике написаны его картины «Кормилица с ребенком» (рис. 1 на вклейке), «(Ортачальская) Красавица», «(Ортачальская) Красавица с веером», «Красавица с кружкой пива» [12–16].

Читатель сразу заметит, что все женщины в теле. Видно, что женщины ортачальских садов любили не только дарить радости, но и кутить, и имели большой аппетит. Айвазян в своем рассказе «Занятие на этой земле» заметил, что «кинто были веселы, карачохели щедры, а женщины пышные, сладкие...» [3, с. 75]. По всей видимости, в Старом Тифлисе был высокой спрос на подобных женщин, раз они клиентам казались и на вкус «сладкими». Картина-вывеска Пиросмани «Красавица с кружкой пива» отсылает к двум референтам, что акцентирует наличие в ортачальских заведениях красавиц и пива.

У Пиросмани нет сколько-нибудь негативного отношения к этим женщинам. На полотне «Кормилица с ребенком» отображаются последствия бурных ночей – ребенок, которого кормит такая же пышногрудая няня. Картина косвенно рассказывает о прагматичности этой женщины: она продолжает свою работу, но взяла на себя ответственность матери.

Пиросмани изображает ортачальских красавиц в контрастных цветах с оттенком розового («(Ортачальская) Красавица», «(Ортачальская) Красавица с веером»), в котором прочитывается легкий юмор, поскольку пышность тел и розовый цвет ассоциируются с поросятами. Лежащая ортачальская красавица представлена как сказочный персонаж, окружающие ее цветочки и птичка создают ощущение нереального. Художник уловил глубокий смысл: телесное наслаждение является, по сути, частью биологической сказки. Иллюзия фантастического разрушается наличием красных туфель, что, в свою очередь, отсылает к концепту страсти. Но картина Пиросмани в целом не имеет эротического характера, эротика присутствует на уровне деталей (туфли, декольте, простыня и т. д.).

Если на картинах Пиросмани эротичность проявляется в деталях, то на картине грузинского художника Старого Тифлиса Ладо (Владимира) Гудиашвили (1896–1980) «Кутеж под деревом» (1920) женщина представлена в ортачальских садах во всей красе (рис. 2 на вклейке), но в совершенно другой конституции [6]. Конечно, на идеал женского тела повлиял парижский (европейский) контекст. «Грузинка» представлена на европейский манер. Именно контекст Старого Тифлиса является решающим для изображения полной женщины, другой конституции женского тела. Сказанное можно увидеть на картине Пиросмани «Грузинка с тамбурином» (рис. 3 на вклейке), на которой женщина представлена в традиционном наряде Старого Тифлиса [13].

Ортачальские сады были увеселительной зоной не только для мужчин. Картина Степана Нерсеяна (1807–1884) «Праздник в садах Ортачали» (рис. 4 на вклейке) указывает, что сады могли быть использованы для семейного отдыха, танцев, плясок. По одежде женщин можно понять, что «традиционные» женщины на лоне природы не могли себе позволить «расслабиться». Их волосы закрывают головные уборы, в их облике нет ни-

какого сексуального намека. Даже пластично танцующие женщины представлены не в карнавально-телесном ключе, а в эстетическо-гармоничном. А если обратим внимание на кормящую мать с открытой грудью, то традиционная женщина представлена в роли любящей матери, которая сконцентрирована на ребенке и «выключена» из карнавального пространства. Четко ощутима визуальная аллюзия на Богородицу.

Но следует заметить, что под «традиционными» женщинами в Старом Тифлисе скрывались также и «нетрадиционные». В рассказе А. Айвазяна «Пестрая баня» бедная Мимзар из-за того, что сын оказался в кутузке, отдается приставу. Женское лоно становится освободителем сына от тюрьмы. Соотношение маски и лица, тела и одежды описывается в следующем пассаже: «Мимзар, тифлисская Мимзар, завернутая в шаль и чикиле, золотой булавкой приколовшая к чихтикопи у себя на лбу свою честь, хранившуюся в дедовском сундуке под семью замками, тифлисская Мимзар, бедная, но гордая, – одна нога в церкви, другая на кладбище Ходживанк, коленопреклоненная перед могилой мужа» [2, с. 345]. Мимзар отдается приставу, чтобы сын не попал в Сибирь. Но после выхода от пристава она произносит: «Какой мужчина!.. Если бы вы знали!.. Вай мэ, какой мужчина!» [Там же, с. 346].

Ее фраза, по сути, является переводом решения проблемы в праздник тела. В подобный праздник попадает и Тамар, поскольку поймали ее сына, кривоносого Колу, а вот ее подруги Мимзар и Тамар: Мимзар с сожалением подумала о пятилетнем сыне, Тамар – о балде-сыне, который «никогда не попадет в кутузку» [Там же, с. 347]. Кроме ироничного повествования, рассказ Айвазяна представляет силу биологического. Женское тело (биологическое начало) «побеждает» закон.

Таким образом, на основе эмпирического материала очевидно, что финансовый капитал (на метаязыке Пьера Бурдьё) армян Старого Тифлиса пожирает символический капитал (духовные ценности, национальную идентичность, желание иметь свое государство), и центрами их жизнедеятельности становится организация пиршеств, постройка мостов и домов, развлечения, сватовство и т. д. Домашние карнавалы, игры в лото были прекрасным поводом для хозяек блеснуть своим богатством («Варенькин вечер»). Сундукян показывает их мещанскую, бездушную, бездуховную атмосферу. Демонстративное потребление (на метаязыке Т. Веблена) было главным мотивом для организации подобных развлекательных вечеров.

Накопление денег любой ценой было главной задачей для семей, имеющих дочерей на выданье (Налбандян, Сундукян). В свою очередь, для женихов в Старом Тифлисе сватовство стало способом зарабатывания денег, поскольку бесприданниц не брали в жены, а невыплата обещанных денег жениху позорила семью на весь город (Сундукян). Высокое предложение

невест порождало высокий спрос на женихов. Их заманивали, предлагая побольше денег, что, в свою очередь, могло «увести» жениха у другой семьи. Подобная ситуация порождала вражду между семьями, и каждая семья пыталась любым путем: шантажом, судебным преследованием, банкротством – увести «чужого» зятя.

Пример лирического героя из поэмы «Скорбь Левона» становится еще одним «голосом» для критики мещанского мира, устоев и обычаев, низкого культурного ценза и этических норм в армянских семьях среднего торгошеского класса. Но следует указать, что в карнавальном Старом Тифлисе существовали двойные стандарты биокоммуникации мужчина–женщина. Художественные и визуальные тексты (Айвазян, Пиросмани) показали, что Старый Тифлис имел и свою «темную» (эротическую) жизнь, которая в основном проявлялась в «райских садах» Старого Тифлиса в районе Ортачала, недалеко от Старого города.

Литература

1. Айвазян А.С. Вывески Тифлиса: рассказы, повести. – Ереван: Советакан грох, 1981. – 260 с.
2. Айвазян А.С. Кавказское эсперанто. – М.: Советский писатель, 1990. – 555 с.
3. Айвазян А.С. Долгая, долгая, мучительная жизнь Иуды: рассказы, эссе. – Ереван: Наири, 1996. – 176 с.
4. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси: город и горожане в XIX в. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
5. Гришашвили П. Литературная богема Старого Тбилиси. – Тбилиси: Мерани, 1977. – 113 с.
6. Гудиашвили А. Кутеж под деревом, 1920. – URL: <https://sanna-ok.livejournal.com/19989.html> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Желиховская В. Кавказ и Закавказье. – СПб.: Тип. М.А. Хана, 1895. – 121 с.
8. Зданевич К. Нико Пиросманишвили. – Тбилиси: Литература и искусство, 1963. – 113 с.
9. Игитян Г. Вступительная статья // Вагаршак Элибемян: альбом. – М.: Изобразительное искусство, 1991. – С. 5–9.
10. Мхитарян М. Тифлисская мозаика // Вестник общественных наук. – 1991. – № 5. – С. 59–67. – URL: <http://lraber.asj-oa.am/3381/> (дата обращения: 20.02.2020). – На арм. яз.
11. Налбандян М. Произведения. – Ереван: Советский писатель, 1985. – 632 с. – На арм. яз.
12. Пиросмани Н. Ортачалские красавицы (диптих), 1905. – URL: https://artchive.ru/nikopirosmani/works/377176~Ortachalhesi_beauties_diptych (дата обращения: 20.02.2020).
13. Пиросмани Н. Грузинка с тамбурином, 1906. – URL: http://niko-pirosmani.ru/pics/paints/georgian_woman.jpg (дата обращения: 20.02.2020).

14. *Пиросмани Н.* (Ортачальская) Красавица с веером. – URL: <http://niko-pirosmani.ru/pics/paints/veer.jpg> (дата обращения: 20.02.2020).
15. *Пиросмани Н.* Красавица с кружкой пива. – URL: <http://niko-pirosmani.ru/pics/paints/beer%20.jpg> (дата обращения: 20.02.2020)
16. *Пиросмани Н.* Кормилица с ребенком. – URL: http://niko-pirosmani.ru/pics/paints/wet_nurse.jpg (дата обращения: 20.02.2020).
17. *Саакян С.М.* Тифлисские армяне по представлению «Кавказа» (на арм. яз.) // Вестник общественных наук. – Ереван, 1998. – № 2. – С. 103–113. – URL: [http://lraber.asj-oa.am/2120/1/1998-2\(103\).pdf](http://lraber.asj-oa.am/2120/1/1998-2(103).pdf) (дата обращения: 20.02.2020).
18. *Саргсян Р.* Армяне – благотворители Тифлиса (вторая половина XIX в.) // Историко-филологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 149–161. – URL: <http://hrj.asj-oa.am/5686/> (дата обращения: 20.02.2020).
19. *Симян Т.* Музыкальное и карнавальное пространство Старого Тифлиса (на примере Ваню Ходжабеяна, Вагаршака Элибеяна, Агаси Айвазяна) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 2. – С. 63–80.
20. *Сундукян Г.* Избранное. – М.: Гослитиздат, 1953. – 357 с.
21. Чужие игры / реж. Н. Оганян, Т. Левонян. – Цв., зв. – СССР: Арменфильм, 1986. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6UxS3YzgvpE> (дата обращения: 20.02.2020).
22. *Шахазис С.* Произведения. – Ереван: Айпетрат, 1961. – 319 с. – На арм. яз.

Статья поступила в редакцию 30.08.2019.

Статья прошла рецензирование 30.09.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-257-274

THE BIOLOGICAL SPIRIT OF OLD TIFLIS: MATCHMAKING, MONEY, INTERPERSONAL RELATIONS

Simyan Tigran,

Dr of Sc. (Philology), Professor,

*Professor at the Department of Foreign Literature of
European Languages and Communication*

Yerevan State University,

1A Manoogian St., Yerevan, 0025, Armenia

ORCID: 0000-0001-9534-3505

tsimyan@ysu.am

Ghazaryan Grigor,

Cand. of Sc. (Philology),

*Associate Professor at the Romance Philology of
European Languages and Communication Department*

Yerevan State University,

1A Manoogian St., Yerevan, 0025, Armenia

ORCID: 0000-0002-1693-4882

gghazaryan@ysu.am

Abstract

The paper analyzes the problems of interpersonal relationships such as matchmaking, the relations between men and women; in other words, the authors describe manifestations of the biological “axioms” in human behavior. Besides, domination can also be viewed as an expression of the biological in interpersonal relationships. The object of study of the present research includes the problems of matchmaking, gambling games, entertainment, and feasts.

As empirical material for the given description, the authors consider literary texts from the Armenian literature of the XIX–XX centuries (M. Nalbandyan, S. Shahazis, G. Sundukyan, A. Ayvazyan and others). The paper is an essential part of the “Tbilisi Text of Armenian Literature”, which adds something new to the “Tbilisi Text of the Georgian Literature”. Those two discourses, in their turn, show a certain commonality with the “Caucasian Text of the Russian Literature».

The authors apply a semiotic meta-language; implicitly, they use the theory of the French sociologist P. Bourdieu together with a typological approach, since the analysis is conducted on recurrent motifs, aiming at the identification of general semantic units.

The main thesis of the present paper is the “elevated” Armenian literature of Old Tiflis (XIX c.), which represents one of the central discourses for the critical presentation of the biological in the middle and the lower class of Old Tiflis. The biological and the principles of “wild capitalism” were destroying the families of small and medium tradesmen not only in the horizontal, class dimension (family, interpersonal), but also in the vertical dimension (inequality of social roles).

The analysis of the empirical material demonstrated that money-hunger guzzles spiritual and social values, such as national identity; the idea of statehood is lost, and the center of aspirations of city inhabitants becomes idle lifestyle: food, feasts, building houses, entertainment (home carnivals), matchmaking, etc. Of course, in the paper, the *biological* is contrasted to the *cultural* as well. The Armenian society of Old Tiflis had strategically thinking cultural figures, Armenian princely families, patrons, philanthropists (the Bebutovs, Tumanovs, Arguntinians, Alikhanovs, Yevangulyans, Mantashevs, Tamamshevs), who invested enormous financial means for the multiplication of national values (Nersisyan Seminary of Tiflis). Noteworthy is also the investment by great Armenian philanthropists (the Mantashevs) in the education of gifted Armenian minds abroad (Germany, Russia, etc.), who already in the 1920-ies formed the intellectual basis for the establishment of a national university in Yerevan (1919).

Keywords: Old Tiflis, money, biologism, traditional woman, non-traditional woman, philistinism, prostitution, carnival consciousness, nature vs culture.

Bibliographic description for citation:

Simyan T., Ghazaryan G. The Biological Spirit of Old Tiflis: Matchmaking, Money, Interpersonal Relations. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 2, pp. 257–274. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-257-274.

References

1. Aivazyan A.S. *Vyveski Tiflisa: rasskazy, povesti* [Signboards of Tiflis: Stories, Narratives]. Yerevan, Sovetakan grokh Publ., 1981. 260 p. (In Russian).
2. Aivazyan A.S. *Kavkazskoe esperanto* [Caucasian Esperanto]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 555 p.
3. Aivazyan A.S. *Dolgaya, dolgaya, muchitel'naya zbizn' Iudy* [The Long, Long and Harrowing Life of Judah]. Yerevan, Nairi, 1996. 176 p. (In Russian).
4. Anchabadze Yu.D., Volkova N.G. *Staryi Tbilisi: gorod i gorozhane v XIX v.* [Old Tbilisi. The City and Citizens in the XIX Century]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 272 p.
5. Grishashvili I. *Literaturnaya bogema Starogo Tbilisi* [Bohemian Literature of Old Tbilisi]. Tbilisi, Merani Publ., 1977. 113 p. (In Russian).
6. Gudishvili L. *Kutesh pod derevom* [Swagger under the tree], 1920. Available at: <https://sanna-ok.livejournal.com/19989.html> (accessed 20.02.2020).
7. Zhelikhovskaya V. *Kavkaz i Zakavkaz'e* [The Caucasus and Transcaucasia]. St. Petersburg, M.A. Khan Publ., 1895. 121 p.
8. Zdanevich K. *Niko Pirosmanshvili* [Niko Pirosmanshvili]. Tbilisi Literaturno-iskusstvo Publ., 1963. 113 p. (In Russian).
9. Igityan G. Vstupitel'naya stat'ya [Opening Article]. *Vagarshak Elibekyan*. Album. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1991, pp. 5–9. (In Russian).
10. Mkhitarian M. Tiflis Mosaic. *Herald of the Social Sciences*, Yerevan, 1991, no. 5, pp. 59–67. (In Armenian). Available at: <http://lraber.asj-oa.am/3381/> (accessed 20.02.2020).
11. Nalbandyan M. *Works*. Yerevan, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 632 p. (In Armenian).

12. Pirosmeni N. *Ortachal'skie krasavitsy (diptikh)* [The Beauties of Ortachala], 1905. Available at: https://artchive.ru/nikopirosmeni/works/377176~Ortachalhesi_beauties_diptych (accessed 20.02.2020).
13. Pirosmeni N. *Gruzinka s tamburinom* [Georgian Woman with Tambourine], 1906. Available at: http://niko-pirosmeni.ru/pics/paints/georgian_woman.jpg (accessed 20.02.2020).
14. Pirosmeni N. *(Ortachalskaya) Krasavitsa s veerom* [The (Ortachalian) Beauty with a Fan]. Available at: <http://niko-pirosmeni.ru/pics/paints/veer.jpg> (accessed 20.02.2020).
15. Pirosmeni N. *Krasavitsa s kruz'bkoi piva* [The Beauty with a Pint of Beer]. Available at: <http://niko-pirosmeni.ru/pics/paints/beer%20.jpg> (accessed 20.02.2020).
16. Pirosmeni N. *Kormilitsa s rebenkom* [Nurse with a Child]. Available at: http://niko-pirosmeni.ru/pics/paints/wet_nurse.jpg (accessed 20.02.2020).
17. Saakyan S.M. Armenians of Tiflis in the “Caucasian” understanding. *Herald of the Social Sciences*, Yerevan, 1998, no. 2, pp. 103–113. (In Armenian). Available at: [http://lraber.asj-oa.am/2120/1/1998-2\(103\).pdf](http://lraber.asj-oa.am/2120/1/1998-2(103).pdf) (accessed 20.02.2020).
18. Sargsyan R. Armyane – blagotvoriteli Tiflisa (vtoraya polovina XIX v.) [Armenians – The Donors of Tiflis (second half of the XIX century)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal = Historical-Philological Journal*, 2011, no. 2, pp. 149–161. (In Russian). Available at: <http://hpj.asj-oa.am/5686/> (accessed 20.02.2020). (In Russian).
19. Simyan T. *Muzykal'noe i karnaval'noe prostranstvo Starogo Tiflisa (na primere Vano Khodzhabekyana, Vagarshaka Elibekyana, Agasi Aivazyana)* [Musical and Carnival Space of Old Tiflis (by The Example of Vano Khojabekyan, Vagharshak Elibekyan, Agasi Aivazyan)]. *ИПАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики = ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 2019, no. 2, pp. 63–80. (In Russian). Available at: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/simyan_t_s_63_80_2_20_2019.pdf (accessed 20.02.2020).
20. Sundukyan G. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953. 357 p.
21. Oganyan N., Levonyan T., dir. *Chuzhie igry* [Others' games]. Color, sound. USSR, Armenfilm, 1986. (In Russian). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6UxS3YzgvpE> (accessed 20.02.2020).
22. Shakhazis S. *Proizvedeniya* [Works]. Yerevan, Aipetrat Publ., 1961. 319 p. (In Armenian).

The article was received on 30.08.2019.

The article was reviewed on 30.09.2019.